

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918

Алгоритмы построения комических текстов

В.И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
ул. Академика Волкова, д. 6, Москва, Россия, 117485

Тяньцзиньский университет иностранных языков
ул. Мачандао, д. 117, Тяньцзинь, Китай, 300204

Семантика есть наука о понимании, а для того, чтобы что-то понять, мы должны свести неизвестное к известному, темное к ясному, требующее толкования к самоочевидному.

А. Вежбицкая

Цель данной статьи состоит в рассмотрении семиотических характеристик интерпретации комических текстов, в обсуждении семантических, прагматических и синтаксических признаков таких вербальных образований. Юмористическое общение становится возможным, если актуализируются три условия: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре. Для выявления таких моделей — алгоритмов построения комических текстов — были проанализированы размещенные в интернете шутки разных типов на русском языке (около 1000 анекдотов, шуточных афоризмов, демотиваторов).

Семантические механизмы образования комического текста проявляются в карикатурной презентации предметов, пространственных и временных координат, позиций персонажей и осмысливаются как смешная двусмысленность высказывания, имеющая денотативное и сигнификативное измерения.

Прагматические механизмы построения подобных комических текстов — это оценочные и выводные несоответствия между положениями дел, эти несоответствия представляют собой столкновения несовместимых сценариев интерпретации. Синтаксический аспект комических текстов представляет собой их соотносительность с определенными повествовательными, описательными и аргументативными жанрами речи.

Выделено две модели алгоритмов создания и понимания комических текстов: совмещение линий реальности и совмещение линий сообщения о реальности, представляющих собой диктальное и модусное осмысление факта, вызывающего улыбку или смех. Диктальная модель включает комическое повторение, комическое противопоставление и комическое переворачивание позиций персонажей. Модусная модель прослеживается в шуточных перифразах, пародировании прецедентных текстов и комических аллюзиях. В современной коммуникативной практике часто используются шуточные высказывания с целью самопрезентации. Для таких комических текстов характерны аллюзии и различные виды интертекстуальных связей, построенные на рассогласовании между темой и ремой, текстуальным и иконическим содержанием сообщения.

Ключевые слова: *комический текст, юмор, интерпретация, смысловое рассогласование, аллюзии*

Algorithms of comic texts construction

Vladimir I. Karasik

Pushkin Russian Language Institute
Akademika Volkova St., 6, Moscow, Russia, 117485

Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Road, HeXi District, TianJin, People's Republic of China, 300204

Abstract

The paper deals with semiotic characteristics of comic texts construction. It is aimed at analyzing semantic, pragmatic and syntactic properties of jokes so as to find out models of comic texts comprehension. The material for the analysis comprises ca. 1000 jokes of various kinds including funny short narratives (in Russian these are named 'anecdotes'), humorous aphorisms and demotivators as a new genre of internet communication. Semantic and pragmatic mechanisms of comic texts differ, though methodologically they make inseparable unity, according to A. Wierzbicka. Semantically, comic texts represent caricature pictures of the reality concerning objects, time and space dimension of events and positions of agents. They may be described in terms of denotative and significative incongruences. Pragmatically, such mechanisms form evaluative and argumentative divergence between usual and given states of affairs which manifest themselves as collisions of interpretation scripts. Syntactically, comic texts may be interpreted in terms of their narrative, or descriptive or argumentative correlation with corresponding non-comic texts. Two models of such texts interpretation are discussed. The first one is dictal in its essence and is based on disagreement between the planes of reality as shown in the text, whereas the second one is modal and it reflects an incongruity between reality and the view of it. The dictal model includes such techniques as repetition, juxtaposition and reversing of agents positions, the modal model can be traced in jocular periphrasis, precedent text parodies, and comic allusions. The dictal model is oriented towards semantic disagreement between various aspects of reality, the modal model concerns mostly pragmatic and syntactic aspects of a comic world view. Modern communicative practice as represented in the Internet network communities is focused on self-representation and various jokes are inherent part of this objective. The jokes are often based on incongruity between theme and rheme in the message content and disagreement between image and text in its form.

Keywords: *comic text, humor, interpretation, meaning incongruity, allusion*

1. ВВЕДЕНИЕ

Осмысление и понимание комического строится по общим закономерностям постижения реальности и предполагает выявление событий либо ситуаций, вызывающих улыбку или смех, и способов их построения. Предполагается, что существуют определенные алгоритмы построения комических текстов. Такие алгоритмы представляют собой сценарии интерпретации того, что подается и воспринимается как смешное. Понятно, что существует множество коммуникативных ситуаций рассогласования между замыслом и воплощением идеи, с одной стороны, и между позициями говорящего и адресата, с другой стороны. В данной работе рассматриваются те ситуации, в которых такого рассогласования нет. Комическое понимается в статье как родовой термин по отношению к юмору, сатире, иронии и сарказму, шутки, анекдоты, забавные афоризмы, смешные демотиваторы рассматриваются как жанры комического дискурса.

Все комические тексты можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частыми признаками соответствующих текстов выступают их тематика и источник. Выделяются бытовые, политические, медицинские, армейские, театральные анекдоты, анекдоты о пьяницах, неверных супругах,

о животных, олицетворяющих те или иные человеческие качества, о представителях определенных национальностей и социальных групп, с одной стороны, и английские, французские, русские, украинские, еврейские анекдоты, — с другой. Заслуживает внимания монография В.Г. Раскина «Семантические механизмы юмора» (Raskin, 1985), где предпринята попытка построить целостную теорию юмора на основе достаточно обоснованной гипотезы, суть которой состоит в том, что текст, содержащий шутку, сориентирован на два различных скрипта (обобщенных представления действительности), эти скрипты находятся в оппозитивных отношениях, и основные типы оппозиции сводятся к противопоставлениям «реальное/нереальное», «нормальное/неожиданное», «возможное/невозможное». Автор противопоставляет юмор и остроумие (т.е. спонтанный и неспонтанный юмор), анализирует имеющиеся в лингвистической науке классификации юмористических ситуаций и текстов (например, любое нарушение привычного порядка вещей, замену одних вещей другими, игру слов, бессмыслицу, замаскированные оскорбления и т.д.).

По мнению В.Г. Раскина, выделяются восемь типов юмористических высказываний: 1) намеренное высмеивание (*Кто тот джентльмен, с которым я видел тебя вчера вечером? — Это был не джентльмен, а сенатор*); 2) мягкое, любящее высмеивание в стиле Марка Твена (*Мама, я ухожу в армию. — Ладно, только не приходи домой поздно*); 3) смех над самим собой (*Преступник, которого ведут на казнь в понедельник, говорит: «Неплохо начинается неделя!»*); 4) пренебрежительный смех над собой (*Медсестра: «У вас сильный кашель. Что вы принимаете от него?» — Пациент: «А вы что мне предложите?»* — (Буквально: *Make me an offer!* — Так часто говорят во время коммерческих сделок. — В.К.); 5) загадка (*Какой рукой нужно помешивать кофе — левой или правой? — Нужно пользоваться ложкой*); 6) головоломка с каламбуром (*Почему вырванный зуб похож на позабытую вещь? — Потому, что из головы вон*); 7) чистый каламбур (*Первое, что поражает новичка в Нью-Йорке, это наехавший на него автомобиль*); 8) юмор как сублимация протеста (*Конкурс на лучший политический анекдот в Москве. Первый приз — 25 лет в колонии строгого режима*) (Raskin, 1985, p. 25—26).

В основу приведенной классификации положены, как мы видим, различные критерии: степень эмоционального сопереживания, рефлексивность, коммуникативная форма высказывания, психологическая мотивировка речевого действия. Все эти критерии, несомненно, существенны, но представляется, что можно предложить классификацию комических текстов на основании иных признаков в составе единой концептуальной схемы. Такой схемой мы считаем семиотическую модель. Разумеется, эта модель не претендует на всеобъемлющий охват объекта, но, как нам представляется, обладает достаточно мощной объяснительной силой.

Знаковое пространство образуется тремя общесемиотическими координатами — отношениями знака к миру (семантика), к интерпретатору (прагматика) и к другим знакам (синтактика) (Моррис, 1983, с. 42). Известно, что имело место

некое событие. Это событие соотносится с объективным миром — известными фактами, вероятными фактами, знаниями о фактах и связях между явлениями, отношениями людей к этим фактам и т.д. У говорящего и слушающего есть общий фонд знаний, поведенческих установок и ценностей. Далее, текст анекдота накладываемся на некую первооснову, которая выступает в качестве точки отсчета, это текстовый тип анекдота, его зачин и завершение, динамическая модель анекдотического развития действия. И, наконец, событие, о котором идет речь, излагается определенными языковыми средствами (отношение к самому способу выражения).

Следует отметить, что различные стороны знака не являются взаимоисключающими, это не компоненты целого, а разные аспекты его рассмотрения. Эта идея получила программное выражение в известной книге А. Вежбицкой «Кросс-культурная прагматика» (Wierzbicka, 2003): Linguistic semantics and pragmatics are one. What applies to colour semantics, kinship semantics, speech-act semantics, to the semantics of natural kinds, cultural kinds, emotions and so on applies also to the semantics of interpersonal attitudes (Wierzbicka, 2003: 18).

В данной статье рассматриваются семиотические характеристики интерпретации комических текстов и обсуждаются семантические, прагматические и синтаксические признаки таких вербальных образований. В качестве материала для изучения были взяты комические тексты разных жанров на русском языке, размещенные в сети Интернет — анекдоты, смешные афоризмы и демотиваторы. Выборка производилась с 2000 г. по настоящее время. Основанием для отнесения текста к числу комических было его размещение на сайтах anedot.ru и anekdotov.net. На этих сайтах приводятся не только анекдоты в узком смысле слова — короткие комические нарративы, — но и смешные афоризмы, забавные истории и подобные тексты.

2. КОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации являются, на наш взгляд, следующие моменты: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения, т.е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

Коммуникативное намерение играет важнейшую роль в построении юмористического дискурса, при этом существенным оказывается противопоставление спонтанной и подготовленной речи. Это противопоставление релевантно для отправителя речи, поскольку стремление рассказать свежий анекдот или сообщить о смешном происшествии оказывается нередко движущим мотивом разговора. В меньшей мере таким мотивом является спонтанное юмористическое речевое действие. Для адресата же важен процесс коммуникативного взаимодействия, а не внутренняя мотивировка поведения со стороны отправителя речи.

С позиций отправителя речи юмористическая интенция определяется типом личности (известно, что есть люди, склонные к шутливому общению в любой ситуации) и сферой общения (существует определенная градация уместности шуток в той или иной сфере общения: встреча старых друзей предполагает взаимную настроенность на шутки, в то время как дача свидетельских показаний почти исключает такую настроенность).

Для того чтобы коммуникативное намерение реализовалось, оно должно быть подкреплено реакцией адресата. Говорящий пользуется определенными сигналами в поведении для проверки уместности шутки в той или иной ситуации общения.

В социолингвистике известно, что инициатива в шутке принадлежит, как правило, вышестоящему, т.е. человеку с более высоким социальным статусом. Таким образом, статусное неравноправие выступает в качестве возможной предпосылки для шутки со стороны начальника: этот вид шуток можно отнести к разряду манипуляций, осуществляемых для демонстрации своего статуса наряду с указаниями, отчитыванием, поучением и т.д. Сигналом для шутливого общения может быть отсутствие явно выраженных знаков запрещения такого общения (торжественность обстановки, глубокие отрицательные эмоциональные переживания адресата, страх, испытываемый самим отправителем речи, и т.д.).

Коммуникативное намерение проходит несколько стадий в своей реализации: желание пошутить, оценка адекватности ситуации, вербальное выражение шутки, оценка реакции адресата. Следует отметить, что реализация юмористического коммуникативного намерения осуществляется мгновенно, и поэтому выделение стадий носит условный характер. Кроме того, оценка ситуации и реакции адресата происходит на невербальном уровне: это взгляд, мимика, жестикуляция, определенные характеристики тембра голоса. В письменной речи юмористическая интенция до последнего времени не выражалась. Считалось, что содержание текста должно дать читателю возможность оценить намерение автора.

Юмористическая тональность представляет собой эмоциональную атмосферу общения, которая характеризуется дружелюбным отношением участников общения друг к другу, с одной стороны, и переворачиванием определенных ценностей, с другой стороны.

Юмористическая тональность по своей сущности — это взаимная настроенность участников общения на юмор, это смеховое осмысление всего происходящего, готовность шутить и смеяться. Если юмористическая интенция — это характеристика коммуникативного поведения говорящего, желание организовать юмористическую ситуацию, т.е. активная позиция субъекта речи, то юмористическая тональность — это установка коммуниканта на ситуацию, которая изначально отмечена юмором, т.е. в данном случае позицию субъекта речи можно определить как относительно пассивную. Например, так ощущают себя люди, пришедшие на эстрадное выступление юмориста, читающие юмористические рассказы, слушающие анекдоты. В лингвистике текста различаются два типа адресатов: адресат-критик и адресат-эмпатик (Мышкина, 1991, с. 96). Первый стремится бесстрастно оценить события, а второй вовлечен в эти события и сопереживает их участникам.

Адресат-критик, услышав шутку, должен сначала оценить, смешна ли она, а затем, возможно, прореагировать на нее. Адресат-эмпатик заранее находится как бы на стороне говорящего, ассоциирует себя с ним и готов рассмеяться, даже не дослушав шутку до конца. Разумеется, эти типы, как и многие другие, достаточно условны, но для нас важно подчеркнуть то обстоятельство, что юмористическую тональность общения формируют адресаты-эмпатики.

С позиций прагмалингвистического анализа юмора понимание механизма той или иной смеховой реакции (а тем более отсутствие таковой, если она предполагалась) неизбежно предполагает выход на исследование юмористической эмпатии. Здесь речь идет о культурно-психологических характеристиках юмористического общения. Готовность понимать юмор базируется не только на личностных особенностях человека, но и на определенных стереотипах поведения, принятых в той или иной культуре. В этом смысле уместно говорить о юмористической тональности, присущей различным лингвокультурам. На наш взгляд, юмористическая интенция в меньшей мере характеризуется лингвокультурной спецификой — желание пошутить интернационально и зависит от индивидуальных особенностей личности, в то время как понимание шутки вплетено в общий контекст культуры. Изучение этнокультурной специфики комического (чаще всего рассматривается юмор) неоднократно привлекало к себе внимание исследователей (см. [Alba-Juez 2014; Alba-Huez, Attardo 2014; Alba-Huez, Larina 2018; Gornostaeva 2016; Goddard, 2006, 2009, 2016; Haugh, 2017a, 2017b; Soussa, Bazenga, Antunes, 2009] и др.).

Соотношение между критическим и эмпатическим восприятием юмора соответствует соотношению между интеллектуально обработанным и более простым видами юмора. Остроумное высказывание рассчитано не только на смеховую реакцию, но и на оценку интеллектуальных способностей автора. По мере возрастания интеллектуальности юмора возрастает и вероятность перехода юмористического высказывания в иную плоскость, с одной стороны, за рамки юмора в серьезное общение, и, с другой стороны, за рамки юмора в недружелюбное общение, в сатиру, сарказм, издевку или розыгрыш.

Смех, по мнению А. Бергсона (Бергсон, 1992, с. 20—21), возникает как реакция общества на механическую косность характера, ума и даже тела. Косность и гибкость — официальная и карнавальная культура, таковы философские основания смеха. Анекдот — это своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений, при этом мы понимаем, что без стабилизации, определенности, формальной слаженности и естественно возникающей ритуальности общество нормально функционировать не может. Вместе с тем в стабилизации есть угроза развитию, и самой мягкой (и в то же время достаточно действенной) формой критики по отношению к стабильному положению вещей выступает шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым. При этом важно отметить, что диалектика косности и гибкости в человеческом поведении соответствует общему закону номинации — чем актуальнее для говорящих является тот или иной комплекс идей, тем большее количество языковых единиц используется для обозначения соответствующего круга понятий. Расширим эту корреляцию — чем более значимой для общества является та или иная ценность, тем более

вероятна вариативная детализация норм, связанных с этой ценностью, и соответственно появление различных карикатурных изображений этих норм. Не случайно идея ценности здравого смысла, лежащая в основе английской культуры, привела к расцвету абсурда как критики здравого смысла. Это наблюдается в традиционных английских шутках, лимериках, классических английских и квази-английских анекдотах:

- (1) — *Сэр, вчера я проходил мимо Вашего дома.*
— *Спасибо.*

Для лингвистического осмысления шутки важным является введенное Д. Хаймсом понятие «ключ общения» — манера передачи сообщения; например, лекция может читаться математически точно или же с веселой легкостью (Белл, 1980, с. 111). Ключ общения определяется статусно-ролевыми и межличностными отношениями между участниками коммуникации. Можно выделить несколько ключей общения: обычное (нейтральное), торжественное, официально-деловое, дружеское, шутливое общение. Разумеется, список можно продолжить. Важно отметить, что шутливое общение не сводится только к поддержанию близкой, дружеской дистанции между партнерами, хотя именно на такой дистанции шутка наиболее уместна.

Дж. Лич в своей работе «Принципы прагматики» анализирует постулаты общения и выделяет «принцип иронии» и «принцип добродушной шутки» как особые условия «межличностной риторики» (Leech, 1983, p. 149). Действительно, в общении весьма часто складывается ситуация, когда говорящий вольно или невольно заставляет слушающего усомниться в абсолютной серьезности того, о чем идет речь. Это могут быть мимические знаки, оттенки интонации, выбор слов, общая тональность высказывания.

Модели смехового поведения включают типичные дебюты и эндшпили шуток, типичные смеховые реакции и типичные жанровые структуры определенных юмористических речевых действий, например анекдотов. Дебют смехового поведения — это переход от несмехового общения к смеховому. Такой переход осуществляется посредством косвенных и прямых сигналов юмористического общения; к первым относятся значимое изменение голоса и мимики, ко вторым — выраженное извещение о том, что следует ждать смещения тональности общения. Возвращение к серьезной тональности также сопровождается определенными знаками, например, фразой «Ну, ладно, а теперь ...». Говоря о типичных смеховых реакциях, мы имеем в виду прежде всего принятую в той или иной культуре степень эмоционального самоконтроля. Если адресат пытается сдержать свой смех либо, наоборот, демонстрирует безудержное веселье, мы сталкиваемся с той или иной типичной смеховой реакцией, которая подчиняется статистическим обобщениям.

Заслуживает внимания работа Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелева (1999), в которой анализируется рассказывание анекдота в современной русской культуре. Прежде всего, отмечается, что рассказывание анекдота — это представление,

в котором интонация, мимика и жесты играют весьма часто ведущую роль. Вместе с тем выделяются метатекстовые вводы, т.е. фразы, которые обеспечивают переход к непосредственному тексту анекдота: «*Кстати, знаете анекдот?..*» Метатекстовые вводы неоднородны: здесь фигурирует явно выраженная коммуникативная задача либо приводится аллюзия, либо заранее дается оценка анекдоту, либо анекдот выдается за случай из жизни и т.д.

Комические высказывания при всем их разнообразии строятся по определенным канонам, в основе которых лежат несоответствия между интенциями и результатом, ожиданием и реальностью, содержанием и формой его выражения (Горностаева, 2016, 2018; Дмитриев, 1996; Еленевская, 2014; Козинцев, 2007; Кулинич, 2004; Минский, 1988; Норман, 2003; Плотникова, 2003; Пропп, 1999; Attardo, 1994, 2001; Chiaro, 1992; Dynel, 2008; Giora, 1991; Janes, Olson, 2015; Kotthof, 2006; Kuiper, McNale, 2009; Kuiper, Leite, 2010; Raskin, 1985; Soussa, Bazenga, Antunes, 2009; Vandaele, 2002; Yus, 2018). Такие несоответствия вызывают удивление и улыбку.

Формализовать и исчислить способы построения комических текстов вряд ли возможно, но можно предложить критерии классификации таких текстов. Наиболее общей исследовательской схемой является, на наш взгляд, семиотическая модель шуток, в рамках которой выделяются семантические, прагматические и синтаксические классы комических текстов. В первом случае мы улыбаемся по поводу несоответствия объекта и реальности (разные виды нонсенса), во втором случае — по поводу несоответствия поведения субъекта и ситуации (нелепое или претенциозное поведение персонажей), в третьем случае — по поводу несоответствия жанрово-стилистической организации речи и реальных обстоятельств (шутливое изменение кода, имитация чужой речи, понижение регистра и т.д.). В данной работе предлагается сценарная модель построения комических текстов, которая базируется на типе обманутого ожидания: смешные повторы, смысловые ловушки, неожиданная перефокусировка и т.д. Такие способы создания комического эффекта представляют собой своеобразные алгоритмы. Кульминационная точка комического текста (пуант) представляет собой совмещение несовместимого. Смешным оказывается только то, что актуально для коммуникантов, и, соответственно, можно рассматривать шутки как индикаторы ценностей, которые могут быть специфичными для разных этнокультурных или социокультурных групп.

Юмористические нарративы, в особенности анекдоты, образуют весьма частотный жанр текстов, в которых выражены ценности в виде смеховой критики различных нелепых ситуаций (Габидуллина, 2000; Норман, 2003; Курганов, 1997; Месропова, 1997; Щурина, 2014).

- (2) — *Папа, я больше никогда не пойду с тобой на санках кататься!*
— *Хватит ныть! Вези давай!*

Первая реплика соответствует типичному высказыванию капризного ребенка, недовольного тем, что ему не дали получить удовольствие от катания на санках.

Вторая реплика распадается на две части, инициальная часть выражает предсказуемую раздраженную реакцию взрослого, а финальная часть резко меняет всю ситуацию: папа сел на санки и требует от сына, чтобы тот вез его, т.е. взрослый человек ведет себя, как ребенок, это выглядит нелепо и смешно.

В следующем анекдоте мы сталкиваемся с диалогом врача и пациента:

- (3) — *Доктор, я постоянно разговариваю сам с собой.*
— *Вы мешаете домашним?*
— *Нет, я живу один.*
— *Так и разговаривайте себе на здоровье.*
— *Да, но я такой зануда...*

Пациент жалуется на то, что разговаривает сам с собой, полагая, что это свидетельствует о психическом расстройстве. Врач выясняет, что такие диалоги никому не мешают и пытается успокоить своего собеседника, но тот неожиданно дает оценку своим разговорам, демонстрируя явное расщепление личности. Финальная реплика превращает диалог в смешной абсурд.

В шутках и анекдотах высмеиваются те ситуации, которые значимы для социума:

- (4) *Полиция повязала группу мошенников, продающих дипломы в метро. «Нам пришлось их отпустить», — заявил доктор экономических наук сержант Иванов.*

В приведенном тексте высмеивается коррупция в российской системе высшего образования. Мы понимаем, что диплом доктора наук в данном случае является фальшивым, а полиция на самом деле не пресекает преступные деяния, а использует преступников для своего обогащения. По способу подачи такой текст пародирует новостные сводки.

Современные анекдоты как жанр городского фольклора возникли как курьезные истории из жизни известных людей:

- (5) *На перроне крупного вокзала ожидает отправления поезда пожилая дама с большим чемоданом. Она явно растеряна и не знает, как ей самой справиться с ним, но тут мимо нее проходит какой-то высокий бородатый мужик.*
— *Любезный, а помоги мне с чемоданом. Занеси-ка его в поезд, а я тебе заплачу!* — *говорит дама.*
Этот мужик молча берет чемодан, относит его в вагон, забирает из рук дамы монетку и выходит из поезда. В этот момент к даме обращается ее сосед:
— *Да вы знаете, кто это? Сам Лев Толстой! Писатель! Граф!* — *говорит он с ужасом в голосе.*
Дама выскакивает из поезда и изо всех сил бежит к удаляющемуся с перрона писателю. Наконец она догоняет его и говорит:
— *Извините меня, пожалуйста, Лев Николаевич, не признала! Верните мне монетку, — лепечет дама, немного растерявшись и желая хоть как-то исправить свою оплошность.*
— *Нет, не верну!* — *говорит ей в ответ граф. — Я ее заработал честным трудом и вам обратно не отдам!*

Перед нами занятный случай, поведение персонажей весьма правдоподобно, его фигурантом является известная личность. В этом повествовании можно найти совет людям, попавшим в нелепую ситуацию и испытывающим от этого чувство конфуза — попытки оправдаться и объясниться приводят в таких случаях еще к большей потере лица. Вспомним рассказ А.П. Чехова «Смерть чиновника», в котором повествуется о человеке, чихнувшем в театре на лысину сидящего впереди важного сановника и тщетно пытавшемся извиниться.

Анекдот является одним из жанров юмористического дискурса. Жанр дискурса (или жанр речи) трактуется вслед за М.М. Бахтиным как относительно устойчивое в тематическом, композиционном и стилистическом планах речевое произведение. Характерной особенностью речевого жанра является ситуативная повторяемость, ведущая к клишированию как конкретных языковых средств, принятых в соответствующих речевых произведениях, так и к структурной инвариантности смыслового ядра этих произведений. Жанр предполагает знакомство коммуникантов с жанровым каноном, т.е. с требованиями к тексту, который попадает в тот или иной жанровый разряд. Если адресат не знает, к какому жанру относится текст, то определение жанровой принадлежности осуществляется на основании двух важнейших критериев: ситуативная привязка речи и жизненный опыт получателя сообщения.

Речевые жанры неоднородны в различных отношениях, в частности, они неоднородны по глубине: тот или иной жанр речи может распадаться на разновидности (субжанры), которые также могут оказаться достаточно сложными.

А. Вежбицкая предлагает моделирование жанров речи на специальном семантическом языке, строго кодифицированном, но не искусственном, при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания (Вежбицка, 1997, с. 103). Сравним две модели, приведенные цитируемым автором (с.108):

Шутка: говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что я говорю X.

Думаю, что ты понимаешь, что я этого не говорю.

Говорю то, что говорю, потому что хочу, чтобы ты смеялся.

Анекдот: говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось X.

Думаю, что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось.

Говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся.

Думаю, что ты понимаешь, что люди говорят это друг другу, чтобы смеяться.

Анекдот в трактовке А. Вежбицкой отличается от шутки по признакам нарративности (повествовательности) «Случилось X» и жанрового канона («люди говорят это друг другу»). Соглашаясь с этой идеей, хотел бы внести небольшое уточнение: не все анекдоты являются повествованиями (сюда, например, не входят анекдоты-классификации), в таком случае шутка выступает в качестве родового понятия по отношению к анекдоту. Если принять такой подход, то шутка — это общее наименование жанров юмористического дискурса, включающего анекдоты и другие тексты.

3. СЕМИОТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В плане семантики двуплановость анекдота проявляется в карикатурном изображении предметов (нарушение образов), пространственно-временных координат (высмеивание привычных фактов), взаимных позиций персонажей (высмеивается непонимание партнера), а также в обыгрывании двусмысленности или неопределенности ключевого понятия анекдота. Иначе говоря, семантическая двуплановость анекдота имеет денотативное (референциальное) и сигнификативное измерения.

Самое простое нарушение привычной картины мира — это нарушение семантики образов:

- (6) — *Мне явно подменили рубашку в прачечной, — пожаловался муж. Воротник так мал, что я просто задыхаюсь. Это не моя рубашка.*
— *Ничего подобного, — ответила жена, — рубашка твоя. Не будь таким рассеянным. Ты продел голову в петлю для пуговицы.*

Ряд анекдотов построен на нарушении семантики координат (например, пространственных):

- (7) *В кабину водителя метро в Москве врывается пьяный с пистолетом в руке:*
— *Гони в Хельсинки!*
— *Это же метро!*
— *В Хельсинки, а то пристрелю!*
Водитель объявляет:
— *Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция — Хельсинки.*

К числу фреймовых нарушений относится конфликт представлений: в анекдоте сталкиваются диаметрально противоположные пресуппозиции персонажей. Например:

- (8) — *Скажите, доктор, а Вам всегда удается вырвать зуб без боли?*
— *К сожалению, нет. Вчера я, например, вывихнул себе руку...*

Более сложное семантическое нарушение связано с неопределенностью ключевого понятия:

- (9) — *Я достала прекрасное лекарство.*
— *От чего?*
— *Точно не знаю, но говорят, очень помогает!*

Многие анекдоты строятся на двусмысленности интерпретации ключевого понятия. Можно выделить по меньшей мере две разновидности таких анекдотов. К первой группе мы относим расширение либо сужение понятия:

- (10) — *Папа, я не могу выйти замуж за Константина! Он — атеист и не верит, что существует ад.*
— *Ничего, дочка. Смело выходи за него. Ты и твоя мамочка очень скоро сумеете убедить его, что он глубоко заблуждается!*

Вторая группа — это анекдоты с идиоматическим переосмыслением ключевого понятия. Как правило, такие семантические сдвиги требуют фоновых знаний и закрыты для представителей иной культуры:

- (11) — *Есть ли в СССР бедняки?*
— *Есть. Это те, у кого нет ничего своего. Квартира — государственная, дача — государственная, машина — государственная.*

Прагматическая двуплановость анекдота гораздо сложнее, чем карикатурное представление семантики в смешном повествовании. Представляется возможным выделить оценочные и выводные несоответствия в анекдотах. Первые выражаются в виде высмеивания персонажа (речь идет не о простом высмеивании, а о понижении статуса того, кто претендует на высокий статус) и в виде шутливой переверачивания общепринятых норм, а вторые представляют собой насмешку над стандартной логикой.

Оценочные несоответствия затрагивают разные характеристики людей. Например, внешность:

- (12) — *Каждый раз, когда вижу что-нибудь смешное, не могу удержаться от смеха!*
— *И как же тебе удастся бриться?*

Весьма часто высмеивается интеллектуальная несостоятельность:

- (13) *Объявили о выставке ослов. Отвели площадку, отгородили веревкой и со всех входящих брали плату. Народ ходил, ходил, смотрели друг на друга и спрашивали:*
— *А где же ослы?*

Выделяются анекдоты с общеоценочным смыслом:

- (14) — *Сэр, поддержите мою лошадь, я скоро вернусь.*
— *Но, помилуйте, я член парламента!*
— *Это меня не пугает, у вас вид честного человека!*

Нарушения общепринятых ценностей можно разделить на два класса: высмеивание утилитарных и моральных норм, с одной стороны, и насмешка над рациональным поведением как таковым, с другой стороны. Нарушая утилитарные нормы, персонаж причиняет вред себе:

- (15) *Полицейский:*
— *Опишите мужчину, ранившего вас ножом.*
— *Это длинный тип с круглой физиономией, примерно такой же, как у вас, господин комиссар.*

Мы говорим о высмеивании моральных ценностей, если персонаж ставит под сомнение нормы общества:

- (16) *Один жалуется другому:*
— *Такой сейчас некультурный народ пошел! Вчера, когда я выходил из пивной, мне все руки отдавали.*

Разновидностью нарушения моральных норм общества является их открытая подмена утилитарными ценностями:

- (17) *«Ваши творческие планы?» — спросили у писателя NN.*
«Собираюсь написать повесть, рублей на триста».

Насмешка над рациональным поведением выражается как абсурд:

- (18) *В поезде едут два англичанина. Один из них очищает бананы, солит и выбрасывает в окно.*
— *Простите, сэр, зачем вы это делаете?*
— *Не люблю соленые бананы.*

Несоответствие вывода в анекдоте проявляется как ловушка, в которую попадает один из персонажей либо адресат, и как высмеивание чересчур правильных логических построений. Разновидностью несоответствия вывода является понижение ожиданий персонажа либо адресата:

- (19) — *Любимая, хочешь, я прокачу тебя до моря на огромной машине с мощным мотором?*
— *Конечно, дорогой.*
— *Тогда пошли на остановку автобуса.*

Можно выделить указательные и аргументативные несоответствия в логических построениях, которые высмеиваются в анекдотах. Указательное несоответствие иллюстрирует нарушение коммуникативного постулата релевантности:

- (20) — *Наш воздушный шар потерял управление! Нас куда-то унесло. Где мы находимся?*
— *Мы находимся в кабине воздушного шара.*

Приведем пример аргументативного несоответствия:

- (21) *На таможне.*
— *Откройте свой чемодан.*
— *Но у меня нет чемодана!*
— *Это не важно. Порядок для всех один.*

В комическом сюжете имеет место столкновение двух планов интерпретации той или иной ситуации, причем второе осмысление никак не вытекает из первого, часто противоречит ему и поэтому вызывает улыбку.

В прагмалингвистическом плане важным представляется учет интенций трех сторон при интерпретации юмора: говорящего, слушающего и более широкой аудитории, имеющей доступ к общению (Аттардо, 2003, с. 12). Существуют определенные сочетания сюжетных линий, своеобразные алгоритмы порождения смешных ситуаций: отзеркаливание поступка, переворачивание позиций, упреждение вероятного поступка и др.

Отзеркаливание — это копирование поведения партнера в диалоге, оно становится комичным, если ожидалось другое действие:

- (22) *Подсудимому не нравится, как с ним обращаются в суде, поэтому он ведет себя вызывающе.*
Судья: «Где вы работаете?»
Подсудимый: «Тут и там».
Судья: «Как вы зарабатываете себе на жизнь?»
Подсудимый: «Так и эдак».
Судья: «Уведите его».
Подсудимый: «Постойте, а когда меня выпустят?».
Судья: «Раньше или позже».

Неожиданный ответ судьи копирует манеру подсудимого и создает комическую ситуацию. Назидательный смысл анекдота адресован тем, кто считает себя умнее других.

Типичным является неожиданное отзеркаливание поведения в ситуации, когда партнеры находятся в ситуации статусного неравенства:

(23) *Я остановился в зоомагазине перед клеткой с попугаем. Мы смотрели друг на друга несколько минут, и затем он сказал: «А говорить ты не умеешь?»*

Посетитель магазина и попугай меняются ролями. Предполагается, что человек, венец творения, интеллектуально выше других существ, но попугай опровергает это мнение. Прозаическое объяснение ситуации состоит в том, что птицу научили произносить эту фразу автоматически, но все владельцы попугаев знают, что их любимцы могут неожиданно произнести высказывания, в полной мере соответствующие положению дел, всем видом показывая, что понимают смысл произносимого. Эта комическая миниатюра напоминает нам, что не следует преувеличивать свою значимость.

Заслуживает внимания неожиданное переворачивание позиций партнеров по общению, когда один из них считает, что другой ведет себя нелепо, а затем выясняется, что это вовсе не так:

(24) *«Бедный старый дурак», — подумал хорошо одетый джентльмен, глядя на старика, который ловил рыбу в луже возле пивной. Он пригласил этого рыбака в паб, чтобы угостить его выпивкой. Они пригубили немного виски, джентльмен решил пошутить и спросил своего партнера: «Ну и сколько ты поймал сегодня?» — «Ты восьмой», — ответил старик.*

Приятно помочь нуждающемуся, но ситуация становится напряженной, когда некоторые добавляют к своему благодению насмешку. Но оказывается, что насмешник становится жертвой розыгрыша, поскольку старик оказался хорошим психологом и точно рассчитал эффект своего нелепого поведения. Подобное переворачивание позиций напоминает нам о том, что не следует подшучивать над людьми.

Переворачивание позиций может носить абсурдный характер:

(25) *Поздно вечером в одной квартире раздается телефонный звонок. Тут же трубку берет маленький мальчик и тихим-тихим шепотом говорит в нее:*

— Алло.

— Мальчик, а ты не мог бы позвать к телефону своего отца?

— Ой, а он сильно занят, — все так же тихо отвечает мальши.

— Ладно, тогда пригласи к телефону маму.

— А мама тоже занята.

— Ох, а еще кто-нибудь из взрослых дома есть?

— Ага, у нас тут МЧС и полицейские...

— Мальчик, ну хотя бы их позови!

— А эти дяденьки тоже очень-очень заняты.

— Да что у вас там происходит? Чем таким заняты твои мама с папой, спасатели и полицейские, мальчик?

Мальши едва слышно:

— А они все ищут меня. Уже восьмой час пошел.

Точкой пересечения двух интерпретативных сценариев является ситуация занятости: в обиходном понимании, когда люди заняты, они решают какие-либо важные вопросы, но в данном случае им всем приходится разыскивать малолетнего шутника, устроившего себе забавное представление.

Интересный вариант комического переворачивания взглядов на мир содержится в следующем тексте:

- (26) *Умирает гуру. Вокруг него собрались его ученики. И вот, набравшись смелости, его любимый ученик задает умирающему вопрос: «Учитель, к чему Вы пришли в конце жизни?». Мудрец изрекает: «Жизнь — это река». Ученики задумались и говорят: «Как мудро, как глубоко!». Но через некоторое время они стали спорить о том, как следует понимать это высказывание, и любимый ученик вновь беспокоит гуру: «Мы запутались, какой смысл содержится в этом наблюдении?». Вздохнув, мудрец сказал: «Или не река...».*

Метафорические сравнения допускают множественную интерпретацию. Ошибка учеников состоит в том, что они считают возможным только одно истолкование этой фразы. И тогда гуру отказывается от своих слов, и мы понимаем, что его ученики так и не усвоили уроков мудрости, которые он стремился им преподать. Отсюда следует, что истина относительна и смешны те, кто пытается найти простые решения в вопросах миропонимания.

В ряде случаев комический эффект строится на неожиданной перифразе:

- (27) — *Прошу разрешения на создание ситуационно-аналитического, спортивно-развлекательного, событийно-культурного, торгово-делового, учебно-благотворительного некоммерческого центра.*
— *А если кратко?*
— *Прошу разрешить установить пивной ларек.*

Публика, которая собирается у пивных ларьков, действительно, склонна к общению на разные темы. Не вполне соответствует реальности в данном контексте словосочетание «некоммерческий центр» применительно к ларьку, но в целом подобные шутки отражают типичную ситуацию высокого наименования явлений или событий, которые ассоциируются со сниженной обстановкой.

Особый тип комической перифразы образуют наименования с эмфатическим замещением обозначения того или иного явления или события:

- (28) *Мама: Китти, что делает Ада?*
Китти: Ну, если лед такой толстый, как она думает, то она катается на коньках, но если лед такой тонкий, как думаю я, то она плавает.

Перед нами витиеватое обозначение позиций субъектов речи и действия: Китти полагает, что Ада ошибочно считает лед на пруду или на реке достаточно крепким для катания на коньках. Приведенный текст является весьма своеобразным примером черного юмора, назначение которого — констатировать печальные события с веселой усмешкой.

Кульминация комического нарратива происходит в точке резкого смещения предсказуемых линий развертывания сюжета:

- (29) *Директор звонит секретарше:*
— *Света, напиши объявление, что во вторник состоится совещание начальников отделов!*
— *Николай Михайлович, а как пишется: вторник или вторнек?*
— *Ладно, Света, пиши, что в среду!*

Ответ директора вызывает улыбку: мы понимаем, что либо его уровень грамотности предельно низок, либо руководитель осознает, что секретарша в любом случае сделает ошибку, и поэтому выбирает беспроигрышный вариант поведения. Выдвижение формы сообщения на первый план за счет содержания выглядит комично.

Комично выглядит неожиданное упреждение того или иного поступка:

- (30) *Большинство покупателей в нашем магазине музыки рассказывают о том, что случилось с их коллекцией виниловых пластинок. Однажды один из них заинтересовался, сколько стоит пластинка. Мой сотрудник назвал ему цену, а затем добавил: «Но у нас есть наценка, если нам придется слушать, как ваша мама заставила когда-то выбросить все ваши старые виниловые пластинки».*

Понятно, что такие наценки не устанавливаются, но вызывает улыбку форма выражения просьбы не повторять надоевшую историю вновь.

Существуют определенные технические способы создания комического эффекта, известные в стилистике. Показательно шутовское стихотворение Михаила Волкова «Монолог матроса спасательной шлюпки»:

- (31) *Если б можно было как-то, чтобы, главное, не очень, —
Да и тоже, в общем, знаете ли, честно говоря.
Ну а вдуматься, к примеру: в самом деле, между прочим, —
Даже если по порядку, — явно, стало быть, не зря.
Впрочем, сами посудите: это, в принципе, не так уж.
Да и тут, как говорится, ни прибавить, ни отнять.
И, тем более, признаться, главным образом, однако ж, —
Правда, строго между нами, — это к слову, так сказать.
Ну и ладно. Значит, стало быть, опять же как бы вкратце,
То есть в частности. И кстати — если уж на то пошло,
В смысле, мягко выражаясь, чтобы зря не повторяться,
Не в обиду будет сказано — не трогайте весло!*

В этом замечательном монологе нанизывается большая цепочка смягчающих, уточняющих, отвлекающих вводных образований, информативное содержание которых равно нулю, и это вызывает улыбку. Мы понимаем, что лирическому герою неудобно прямо сказать слушателям то, что нужно, но его попытка подойти к сути дела окольными путями оказывается абсурдной.

Комические тексты могут быть противопоставлены друг другу по семиотическому признаку отношения знака к другим знаковым системам (синтактика), т.е. по отношению к определенным текстотипам, наиболее часто выступающим в качестве формальной основы анекдота. Поскольку анекдот представляет собой короткий текст, можно выделить три базовых типа коротких анекдотических текстов (по признаку композиционно-речевой формы): повествование, описание, рассуждение. Анекдот-повествование (анекдот-нарратив) представляет собой рассказ о некотором происшествии, его главной характеристикой является сценарность, т.е. последовательность событий, при этом последнее из событий оказывается неожиданным и поэтому смешным. Особенность анекдота как нарратива состоит в том, что обычно в нем используется настоящее время, даже если речь идет о последовательности событий в прошлом: «*Приходит поручик Ржев-*

ский на бал...» Отметим, что вводной фразой может быть и предложение, содержащее глагол в прошедшем времени: «*Поспорили заяц, медведь и лиса. Заяц говорит...*» Статистически анекдоты-нарративы являются преобладающими, и это не удивительно, поскольку текстотип анекдота как жанра — это рассказ о некотором смешном событии. Анекдоты-повествования могут быть очень короткими:

(32) *Нашла бабушка в огороде бумеранг и замучилась его выбрасывать.*

Этот текст интересен еще и потому, что в нем обыгрывается весьма важный для нашей лингвокультуры концепт: мучительно совершать одну и ту же ошибку (сравните: *наступать на грабли*).

Анекдоты-описания представляют собой различные виды смешных классификаций:

(33) *В военный универмаг поступили на продажу три вида кубика Рубика: обычный — для солдат, одноцветный — для офицеров и монолит — для генералов.*

Анекдоты-рассуждения — это аргументативные высказывания, часто в диалогической форме, раскрывающие в смешном виде причинно-следственную связь между явлениями (таковы многие анекдоты из серии «армянское радио»):

(34) *Можно ли убить человека газетой? — Можно, если завернуть в нее утюг.*

Очень часто композиционно-речевые формы текстов сочетаются и взаимопересекаются в конкретных анекдотах:

(35) *Правда ли, что врач Тяпкин выиграл в лотерею тысячу рублей? — Правда, но не врач Тяпкин, а слесарь Хряпкин, не в лотерею, а в карты, не тысячу, а трояк, и не выиграл, а проиграл.*

Синтаксический критерий классификации анекдотов есть признак их интертекстуальности. В жанровом отношении анекдоты как тип текста могут быть противопоставлены смешным афоризмам, шуткам, загадкам, дразнилкам, пустоговоркам, частушкам, лимерикам и другим фольклорным и литературным жанрам. В ряду фольклорных жанров анекдот характеризуется анонимностью, как и другие произведения фольклора, но отличается от частушек своей формой и принадлежностью к городскому фольклору. От дразнилок и пустоговорок анекдот отличается по признаку типового возраста рассказчиков (анекдот — сфера взрослой жизни, хотя есть и детские анекдоты, в то время, как дразнилки и многие пустоговорки — сфера сугубо детского дискурса). Некоторые анекдоты-классификации сходны с афоризмами, но афоризмы в отличие от анекдотических определений и классификаций обычно бывают авторскими и предполагают более глубокий смысл. Сравним распространенный анекдот-классификацию и афоризм:

(36) *Чем отличаются дипломаты от девушек? — Если дипломат говорит «да», это значит «может быть», если говорит «может быть», это значит «нет», а если он говорит «нет», то какой же он дипломат? Если девушка говорит «нет», это значит «может быть», если она говорит «может быть», это значит «да», а если она говорит «да», то какая же она девушка?*

(37) *Дурак — это тот, кто не понимает, чем он нам мешает, негодяй — понимает (А. Брейтер).*

Мы видим, что анекдот более тривиален, чем афоризм, сфера анекдота значительно уже (запретная тема), а соответственно круг людей, которым этот текст покажется смешным, значительно шире, чем текст афоризма. Анекдот демократичен по своей природе, афоризм же рассчитан на избранных. Разумеется, есть маргинальные анекдоты и достаточно банальные афоризмы.

Анекдот-повествование, на наш взгляд, представлен двумя основными видами — рассказом о некотором событии и коротким диалогом остроумного содержания. Рассказ о смешном событии может быть классическим нарративом, включающим экспозицию, сюжет, кульминацию в полной или свернутой форме:

- (38) *Рассказывают, что Ходжа Насреддин предложил эмиру за двадцать лет обучить осла арабской грамоте.*
— *Ты с ума сошел!* — *сказали люди.* — *Это невозможно. Эмир казнит тебя.*
— *За двадцать лет,* — *ответил Ходжа,* — *кто-нибудь из нас умрет — или осел, или эмир, или я.*

Короткий диалог представляет собой повествование о речевых действиях, при этом кульминация действия может заключаться как в ответной реплике, так и в описании этой реплики. Например:

- (39) — *А собственное мнение у вас есть?*
— *Есть, но я его не разделяю.*

Описание реплики противоречит ее содержанию, и в этом состоит соль анекдота:

- (40) — *Как живете, товарищи?*
— *Хорошо!* — *шутят колхозники.*

Анекдот-загадка формально соответствует вопросу с ответом, который известен адресату, но в анекдотичном ответе сталкиваются два текста — первичный и вторичный, при этом первичный текст может остаться в пресуппозиции и может быть выражен частично либо полностью:

- (41) *У Армянского радио спросили:*
— *Есть ли жизнь на Марсе?*
— *Тоже нет.*

Анекдот-афоризм занимает пограничное положение между прототипным анекдотом и остроумным авторским высказыванием, имеющим глубокий смысл. С формальной точки зрения такие анекдоты построены как философские суждения, дефиниции, классификации:

- (42) *Настоящий джентльмен — это тот, кто кошку всегда называет кошкой, даже если он об нее споткнулся и упал.*

В отличие от настоящего афоризма анекдот-афоризм характеризуется не глубиной смысла, а легким, веселым остроумием. Анекдоты полны оптимизма, в то время как афоризмы могут быть пессимистичными:

- (43) *Подражая человеку, обезьяна еще больше становится обезьяной* (Г. Малкин).

Анекдот-пародия строится по аналогии с каким-либо стандартным текстом, это может быть объявление, лозунг, рецепт, техническая инструкция и т.д. Например:

(44) *На первом этаже круглосуточно работает зеркало.*

Интернет-общение вносит существенные инновации в систему жанров, обозначающих ценностно-маркированные ситуации. Наиболее ярко это отражается в репликах, которые тиражируются в социальных сетях и приобретают статус мемов — единиц культурной информации (идей, образов, мелодий, модных словечек), транслируемых в общении и оказывающих воздействие на широкую аудиторию.

Приведу некоторые вербальные мемы.

(45) — *Признайся, скучала?*

— *Очень! А кто спрашивает?*

В разговоре друзей или знакомых такой вопрос и первая часть ответа на него выглядят вполне естественно, но вторая часть ответа резко меняет всю ситуацию общения, превращая ее в абсурд. Девушка не знает, с кем она общается в сети или по телефону. Перед нами пример встречи людей, один из которых является виртуальной личностью. Растворение личности в подобном общении превращает жизнь в маскарад, в котором возможно всё, и граница между реальным и фикциональным мирами стирается.

Некоторые мемы представляют собой психологически верные наблюдения:

(46) *Когда к тебе обращаются с просьбой: «Скажи мне, только честно!», с ужасом понимаешь, что сейчас придется много врать.*

Нас просят честно сказать о чем-то, предполагая, что нам нечто не нравится. В таком случае человек оказывается в затруднении: с одной стороны, не хочется лицемерить, особенно, если есть основания считать, что нас разоблачат, и, с другой стороны, не хочется портить отношения с людьми. Такое положение приводит к личностному конфликту («с ужасом понимаешь»), но тем не менее вся эта ситуация представляется в чем-то комичной.

Отметим, что многие высказывания, которые участник интернет-дискурса использует в качестве эпиграфов для самопрезентации) выражают иронию или самоиронию:

(47) *Кактус — это глубоко разочаровавшийся в жизни огурец.*

В этой шуточной сентенции прослеживается метафорически выраженное объяснение своего неуживчивого нрава — человеку пришлось столкнуться с разными неприятными людьми, в результате чего доброе и хорошее существо обзавелось для защиты колючками. Шуточные афоризмы часто строятся по определенным моделям метафорического переосмысления реальности:

(48) *Люди делятся на тех, кто карабкается по служебной лестнице, и тех, кто едет на лифте.*

Под лифтом в данном случае понимается знакомство с нужными людьми. Афористы любят аллюзии:

(49) *Сколько яблок промахнулось, упав не на те головы* (Б. Крутиер).

Очевидна ссылка к известной байке о яблоке, упавшем на голову Ньютона, в результате чего был открыт закон всемирного тяготения. Игровое сочетание прямого и переносного значений слова активно используется в подобных высказываниях:

(50) *Всадник без головы особенно опасен во главе эскадрона* (Б. Крутиер).

Название известной книги Т. Майн Рида переосмысливается в виде иронического комментария о действиях власти. Яркие и запоминающиеся образы представлены в жизненных наблюдениях Станислава Ежи Леца:

(51) *Есть фабрики гениев. Нет только сырья.*

Под сырьем понимаются люди, способные к порождению новых идей, значимых для человечества.

Новым жанром интернет-дискурса является демотиватор — пародийный креолизованный текст, в котором приводится высказывание или изображение, включающее вербальный компонент, и краткий комментарий к изображению (Голиков, Калашникова, 2010; Лутовинова, 2016). Демотиваторы иронически откликаются на различные актуальные для современников ситуации. Демотиватор диалогичен: изображение представляет собой аналог первой реплики в диалоге, а комментарий к нему является второй репликой, и именно в комментарии выражается смеховая оценка нелепого положения дел. Интересен следующий текст:

(52) Приводится фотография газетного заголовка *«Груп террориста взяли живьем»*. Снизу подпись: *Я горжусь нашим спецназом.*

Заголовок представляет собой оксюморон, а подпись иллюстрирует ироническую оценку подобных неудачных фраз.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сценарный подход к изучению комических текстов позволяет сделать вывод о том, что комический эффект в них состоит в совмещении несовместимого. Можно выделить две модели алгоритмов создания и понимания комических текстов: совмещение линий реальности и совмещение линий сообщения о реальности. Первая модель включает комическое повторение, комическое противопоставление и комическое переворачивание позиций персонажей, вторая модель прослеживается в шуточных перифразах, пародировании прецедентных текстов и комических аллюзиях. В современной коммуникативной практике часто используются шуточные высказывания с целью самопрезентации. Юмористический либо иронический эффект таких речевых образований выражен в финальной части текста, выполняющей функцию комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аттардо С. Миф о непреднамеренном юморе // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С. 4—14. [Attardo S. (2003). The myth of unintended humor. In V.I. Karasik, G.G. Slyshkin (eds.) *Axiological Linguistics: ludic and comic in communication: collection of articles*. Volgograd: Peremena, 4—14. (In Russ.)]
- Белл Р. Социолингвистика. М.: Междунар. отношения, 1980. 320 с. [Bell R. (1980). *Sociolinguistics*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)]
- Бергсон А. Смех. М.: Искусство, 1992. 127 с. [Bergson H. (1992). *Laughter*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с. [Wierzbicka A. (1996). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. С. 99—111. [Wierzbicka A. (1997). *Speech genres*. *Speech genres*, 99—111. (In Russ.)]
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с. [Wierzbicka A. (1999). *Semantic universals and language description*. Moscow: School “Russian Culture Languages”. (In Russ.)]
- Габидулина А.Р. Анекдот с точки зрения прагмалингвистики // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 6. Донецк: Донеччина, 2000. С. 295—302. [Gabidullina A.R. (2000). Anecdote from pragmalinguistic point of view. *East Ukrainian Linguistic Collection of articles*. 6, 295—302. (In Russ.)]
- Голиков А.С., Калашникова А.А. Демотиваторы в интернет-коммуникации: генезис, смыслы, типология // Вестник Харьковского государственного университета. 2010. Вып. 16. С. 124—130. [Golikov A.S., Kalashnikova A.A. (2010). Demotivators in internet communication: genesis, meanings, typology. *Kharkov State University Journal*. 16, 124—130. (In Russ.)]
- Горностаева А.А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 57—76. [Gornostaeva A.A. (2016). Irony in speech portraits of modern politicians. *Russian Journal of Linguistics*. 1, 57—76. (in Russ.)]
- Горностаева А.А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С.108—125. [Gornostaeva A. (2018). Ironic Metaphors in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 108—125. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-1-108-125. (In Russ.)]
- Гришаева Л.И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1998. С. 107—118. Grishaeva L.I. (1998). Anecdote as means of social norms and moral values fixation. In: *Problems of Philology and Foreign Languages Teaching Methods*. Omsk: Omsk University Publishers, 107—118. (In Russ.)]
- Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки / Отд. филос., социол., психол. и права РАН. М., 1996. 214 с. [Dmitriev A.V. (1996). *Sociology of Humour: Essays*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Dept. of Sociology, Psychology and Law. (In Russ.)]
- Еленевская М. Двуязычный юмор иммигрантов: языковая игра и социальная адаптация (на примере смеховой культуры русскоязычных израильтян) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2014. № 3. С. 7—27. [Elenevskaya M. (2014). Bilingual humour of immigrants: language play and social adaptation (the case of ludic culture of Russian speaking Israelis). *Russian Journal of Linguistic*, 3, 7—27. (In Russ.)]

- Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб.: Алетейя, 2007. 236 с. [Kozintsev A.G. (2007). *Man and laughter*. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.)]
- Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): монография. Самара: Изд-во Самарск. гос. пед. ун-та, 2004. 264 с. [Kulinich M.A. (2004). *Linguistic Culturology of Humour (on the material of English): monograph*. Samara: Samara University Publishers. (In Russ.)]
- Курганов Е.Я. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. 123 с. [Kurganov E.Ya. (1997). *Anecdote as a genre*. Saint-Petersburg: Academic project. (In Russ.)]
- Лутовинова О.В. Демотиватор как вид сетевого творчества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Языкознание». 2016. № 3. Т. 15. С. 28—36. [Lutovinova O.V. (2016). Demotivator as a kind of network creativity. *Volgograd University Journal*, Vol. 15. 3, 28—36. (In Russ.)]
- Месропова О.М. Прагмасемантическая классификация текстов шуток и анекдотов // Языковая система и социокультурный контекст. СПб., 1997. С. 166—168. [Mesropova O.M. (1997). Pragmasemantic classification of jokes and anecdotes. *Language system and sociocultural context*. Saint-Petersburg, 166—168. (In Russ.)]
- Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281—309. [Minsky M. (1988). Jokes and the logic of cognitive unconscious. *Modern Linguistics Abroad*. Vol. 23. *Cognitive aspects of language*. Moscow: Progress Publishers, 281—309. (In Russ.)]
- Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Акад. проект, 2001. С. 45—97. [Morris Ch. (2001). Semiotic Theory Foundations. *Semiotic: Anthology*. Ed. By Yu.S. Stepanov. Moscow: Academic Project, 45—97. (In Russ.)]
- Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 212 с. [Myshkina N.L. (1991). *Dynamic and systemic investigation of text meaning*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishers. (In Russ.)]
- Норман Б.Ю. К анализу анекдота как жанра непрямого общения // Прямая и непрякая коммуникация: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2003. С. 283—290. [Norman B.U. (2003). On anecdote as a genre of indirect communication analysis. *Direct and indirect communication: collection of articles*. Saratov: College, 283—290. (In Russ.)]
- Плотникова С.Н. Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2003. С. 162—172. [Plotnikova S.N. (2003). Comic discourse. *Axiological Linguistics: ludic and comic in communication: collection of articles*. Ed. by V.I. Karasik, G.G. Slyshkin. Volgograd: Peremena, 162—172. (In Russ.)]
- Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 1999. 256 с. [Propp V.Ya. (1999). *Problems of comism and laughter. Ritual laughter in folklore (about the fairy tale Nesmeyana)*. Moscow: Labyrinth. (In Russ.)]
- Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // Жанры речи: Сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. С. 133—145. [Shmeleva E.Ya., Shmelev A.D. (1999). Anecdote presentation as a modern Russian speech genre: problems of variation. *Speech Genres: Collection of articles*. Saratov: College, 133—145. (In Russ.)]
- Щурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета.

2014. № 2. C.39—43. [Schurina Yu.V. (2014). Comic speech genres classification in the Internet communicative space. *Volgograd State Pedagogical University Journal*. 2, 39—43. (In Russ.)]
- Alba-Juez L. (2014). Irony as Inferred Contradiction. *Russian Journal of Linguistics*. 4, 140—153.
- Alba-Juez L., Attardo S. (2014). The evaluative palette of verbal irony. In L. Alba-Juez & G. Thompson (eds.) *Evaluation in Context*. Amsterdam: John Benjamins. 2014.
- Alba-Juez L., Larina T. (2018). Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*. 2018. 22 (1), 9—37.
- Attardo S. (1994). *Linguistic Theories of Humor*. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter.
- Attardo S. (2001). *Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Chiaro D. (1992). *The Language of Jokes: Analysing Verbal Play*. London, N.Y.: Routledge.
- Dynel M. (2008). Introduction to special issue on humour: A modest attempt at presenting contemporary linguistic approaches to humour studies. *Lodz Papers in Pragmatics*. 4 (1), 1—12.
- Gornostaeva A. (2016). American Political Discourse: Irony in Pre-Election Campaign 2016. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (4), 179—196.
- Giora R. (1991). On the Cognitive Aspect of the Joke. *Journal of Pragmatics*. 16, 465—485.
- Goddard C. (2016). Ethnopragmatic perspectives on conversational humour, with special reference to Australian English. *Language & Communication*, 1—14.
- Goddard C. (2009). Not taking yourself too seriously in Australian English: Semantic explications, cultural scripts, corpus evidence. *Intercultural Pragmatics*. 6 (1), 29—53.
- Goddard C. (2006). Lift your game, Martina! — Deadpan jocular irony and the ethnopragmatics of Australian English. In C. Goddard (ed.). *Ethnopragmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter, 65—97.
- Haugh M. (2017a). Mockery and (non-)Seriousness in initial interactions amongst American and Australian speakers of English. In Donald Carbaugh (ed.). *The Handbook of Communication in Cross-Cultural Perspective*. New York, United States: Routledge, 104—117.
- Haugh M. (2017b). Jocular language play, social action and (dis)affiliation in conversational interaction. In Nancy Bell (ed.). *Multiple perspectives on language play*. Boston, MA, United States: De Gruyter Mouton, 143—168.
- Janes L.M., Olson J.M. (2015). Humor as an abrasive or a lubricant in social situations: Martineau revisited. *Humor: International Journal of Humor Research*. 28 (2), 271—288.
- Kotthof H. (2006). Pragmatics of performance and the analysis of conversational humor. *Humor: International Journal of Humor Research*. 19 (3), 271—304.
- Kuiper N.A., McHale N. (2009). Humor styles as mediators between self-evaluative standards and psychological well-being. *Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. 143 (4), 359—376.
- Kuiper N.A., Leite C. (2010). Personality impressions associated with four distinct humor styles. *Scandinavian Journal of Psychology*. 51, 115—122.
- Leech G.N. (1993). *Principles of pragmatics*. London: Longman.
- Raskin V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: Reidel.
- Soussa A., Bazenga A., Antunes L. (2009). Cross-cultural humour: Humor that divides, humour that unites. An introduction. *Journal of Linguistics and Intercultural Education*, 2 (2), 9—11.
- Vandaele J. (2002). (Re-)Constructing Humour: Meaning and Means *The Translator: Studies in Intercultural Communication*. 8 (2), 149—172.

Wierzbicka A. (2003). *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. New York, Berlin: Mouton de Gruyter.

Yus F. (2018). Attaching feelings and emotions to prepositions. Some insights on irony in internet communication. *Russian Journal of Linguistics*. 1, 94—107.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19 июля 2018

Дата принятия к печати: 15 сентября 2018

Article history:

Received: 19 July 2018

Revised: 29 August 2018

Accepted: 15 September 2018

Для цитирования:

Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Т. 22. № 4. С. 895—918. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.

For citation:

Karasik, Vladimir (2018). Algorithms of Comic Texts Construction. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (4), 895—918. doi 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.

Сведения об авторе:

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ КАРАСИК — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина / профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, прагмалингвистика, антропологическая лингвистика, теория дискурса.

Контактная информация: vkarasik@yandex.ru

Bionote:

VLADIMIR I. KARASIK is Dr., Professor, Dept. of General and Russian Linguistics, Pushkin Russian Language Institute / Professor, Tianjin Foreign Studies University. His research interests include Social Linguistics, Pragmalinguistics, Linguistic Anthropology, Theory of Discourse.

Contact information: vkarasik@yandex.ru